

— Эй, госпожа У, ты слышала?

— О чём?

— Да про семью Чэнь.

Невестка Ли как раз щёлкала семечки. Услышав это, она сразу придвинулась ближе и отодвинула в сторону корзину с овощами.

— Несколько дней назад у Чэней нечисть устроила погром. Моему бедному племяннику глаза выкололи!

— Я слышала, госпожа Чэнь тоже несчастная. Эти два дня она была сама не своя, всё из-за того, что нечисть её одурманила.

— Мой племянник как раз служил в доме Чэнь, так что всё правда! В тот день они свадьбу справляли, а нечисть ворвалась и всё разнесла. Старая госпожа так перепугалась, что трое суток без памяти пролежала. А потом выяснилось: господин Чэнь с тем молодым даосом заранее устроили ловушку! Как там это называется... в кувшине...

— Поймать черепаху в кувшине.

— Точно! Поймать черепаху в кувшине!

Старший брат Чжао за овощным прилавком наострил уши, не переставая перебирать зелень.

— Бедную барышню нечисть искалечила. Говорят, в теле у неё проделали несколько огромных дыр!

Тётушка Ван тут же прижала ладонь к животу и ахнула.

— Ужас! И она ещё жива?

— Жива-то жива, только детей теперь иметь не сможет, да и с головой у неё... — рассказчик постучал пальцем по виску и с жалостью добавил: — Не очень хорошо.

— Какой грех... Будда, упаси мою девочку от такой беды.

— Эх, кто бы спорил. Ни с того ни с сего — и вот такое несчастье.

Гу Чэньюй и Фу Сыюань сидели на крыше. С улицы до них долетали обрывки разговоров. Юноша откинулся на руки и устремил взгляд вдаль — отсюда над крышами были видны паруса у пристани. В правой руке он взвесил тяжёлый мешок с деньгами и бросил его Фу Сыюаню.

Они только что вышли из дома Чэнь. Чэнь Сулянь очнулась, и лишь после того, как Гу Чэньюй несколько раз убедился, что ей ничего не угрожает, Фу Сыюань почти силой утащил его прочь.

— Цок-цок-цок. Чем дальше, тем страшнее. Из трёх людей уже тигра сделали. Вот уж сплетни человеку жизнь портят — госпожа Чэнь ведь на самом деле цела и здорова.

— Болтать без меры — дурную карму копить.

— Пора спускаться. На ветру легко простудиться, а твоя рана ещё не зажила.

— Зажила! Давно зажила! Со мной вообще всё прекрасно!

Гу Чэньюй заложил руки за голову и улёгся на черепицу, глядя в небо. Наверное, потому что дождь наконец прошёл, небеса сегодня были особенно чистыми и ясными.

Фу Сыюань развязал мешок и бегло заглянул внутрь.

— Чэнь Фанъюань дал немного. Десять связок серебряных денег.

Юноша скривился.

— А я-то думал, господин Чэнь раскошелится по-крупному. Пф.

— Впрочем, не больно-то нам и нужны его деньги. — Гу Чэньюй поднялся и отряхнул одежду.

— Пошли! Отправляемся в Юнчжу!

[Динь — ваш заказ сервиса «Контракт?» принят. Просим выполнить его как можно скорее.]

[Задание: заключить с Фу Сыюанем Договор Единого Сердца.]

[Награда: «Без облика, без меня» — при проверке вашей культивации невозможно определить истинный уровень; автоматически будет показана низкая стадия.]

Услышав системный сигнал старшего, Гу Чэньюй поскользнулся и едва не свалился с крыши.

Договор... Единого Сердца?

Гу Чэньюй посмотрел на близкого друга и тут же отвёл взгляд. Потом снова посмотрел — и опять отвернулся.

Старший, может, вы меня лучше сразу убьёте?

В мире культивации существовало три вида договоров.

Первый — договор хозяина и слуги. Как ясно из названия, одна сторона становилась хозяином договора, а связанных с ней слуг могло быть несколько. Положение сторон было неравным: слуга обязан был следовать воле хозяина, не мог ослушаться и при необходимости даже мог отдать за него жизнь.

Второй — Договор Единого Сердца. Его смысл — «навсегда соединить сердца и хранить верность». Чаще всего его заключали партнёры по Дао. Обе стороны были равны. Заключившие такой договор могли чувствовать местонахождение друг друга, где бы те ни находились, словно их сердца отзывались одно на другое. Кроме того, им запрещалось причинять друг другу вред: ранишь другого на единицу — сам получишь стократно.

Третий — Договор Жизни и Смерти. Души заключивших его связывались воедино: жить вместе, умереть вместе. Поскольку договор затрагивал душу, Пространство Сердца, личное божественное оружие и личный духовный зверь каждого становились доступны другому без ограничений. И, в отличие от первых двух договоров, расторгнуть его после заключения было невозможно. Поэтому мало кто решался на такое.

Как уже было сказано выше — только дурак согласится.

Гу Чэньюй был как раз таким дураком.

В прошлой жизни из-за разных обстоятельств они с Фу Сыюанем заключили именно Договор Жизни и Смерти.

Потом Гу Чэньюй самую чуточку пожалел. Совсем чуть-чуть. Фу Сыюань слишком уж строго его контролировал, из-за чего Гу Чэньюю приходилось постоянно думать наперёд. Перед дракой он даже оценивал шансы на победу — лишь бы вместе с братом не отправиться в загробный мир.

Хотя в конце концов всё равно утянул Фу Сыюаня за собой в смерть.

Но как ему теперь предложить Договор Единого Сердца?

Тем более этот договор...

Полезен для парной культивации!

Гу Чэньюй подумал три секунды, представил себе лишнее и содрогнулся от отвращения, инстинктивно прикрыв рукой своё мужское достоинство.

Нет уж. Даже ради культивации нельзя жертвовать невинностью. Два мужчины вместе счастливы не будут.

За руки держаться, целоваться — ладно. Но невинность отдавать нельзя, ни за что!

Надо беречь своё достоинство.

— Чэньюй, что с тобой?

—

Я сейчас умру.

Гу Чэньюй выдавил бледную улыбку.

— Ничего-ничего-ничего. Давай сначала на корабль. Пошли-пошли.

[Чего ты так сопротивляешься? Заключение Договора Единого Сердца ещё не значит обязательно заниматься парной культивацией. К тому же в прошлой жизни вы даже Договор Жизни и Смерти заключили. На его фоне этот-то что?]

Да разве это одно и то же?!

Сам смысл совершенно другой!

— Договор Жизни и Смерти был подтверждением нашей искренней дружбы! Вот что значит настоящий брат! Где ты видел, чтобы братья заключали Договор Единого Сердца? Люди же странно посмотрят.

[А то, что ты с братом целуешься, по-твоему, не странно?]

— Э-э, это другое.

— Дела нашего Пути Чувств нельзя называть странными. Это называется нестандартно, оригинально и неповторимо.

[Ладно, осознанность на месте. Так задание делать будешь?]

Мораль и совесть Гу Чэньюя вступили в смертельный бой.

Если честно, награда была просто невероятной. Обычно, если кто-то применял технику Божественного Взора, чтобы определить чужую культивацию, ему достаточно было превосходить цель всего на одну крупную стадию.

К тому же в нынешнем мире культивации пока не существовало тайной техники, способной полностью скрыть уровень. Перед абсолютной силой муравью было негде укрыться.

Но «Без облика, без меня»...

Слишком заманчиво.

Что выбрать: стать сильнее или...

[Эй, дружище, ещё два слова. Ты сейчас совершенствуешься намного быстрее, чем в прошлой жизни. Без «Без облика, без меня» ты не только лишишься кучи сцен, где можно притвориться свиньёй и сожрать тигра, но ещё...]

— Но ещё навлеку на себя смертельную опасность.

Гу Чэньюй сам закончил фразу.

Пока у человека нет достаточно высокой культивации, выдающийся талант скорее становится приглашением к смерти.

Особенно для такого, как Гу Чэньюй, — словно ряска на воде, без корней.

Ни власти, ни влияния, ни поддержки клана. Один талант — и слишком легко стать жертвой чужого заговора.

В конце концов Гу Чэньюй тяжело вздохнул.

Задание он всё равно выполнит. Просто ему нужно время.

Этот маленький старомодный Фу Сыюань точно не согласится вот так сразу заключить с ним Договор Единого Сердца.

Надо действовать постепенно! Очень постепенно.

Линлинци хотел что-то сказать, подумал и промолчал.

Какой ещё «старомодный»? Не видел он такого. Линлинци видел только извращённого влюблённого маньяка, который каждый день забирается к нему в кровать и ворует поцелуи... А ещё регулярно хватает внутреннюю рубашку Гу Чэньюя и вдыхает её запах так, будто жизнь от этого зависит.

А этот простодушный идиот Гу Чэньюй ничего не замечает.

Всё твердит про братские узы. Ещё немного — и у них не узы, а всё остальное переплетётся.

Гу Чэньюй рано повзрослел. В Южный посёлок он с детства часто приходил продавать травы и успел иметь дело с немалым количеством хитрых взрослых. Поэтому он быстро договорился обо всём необходимом и вместе с Фу Сьюанем поднялся на торговое судно.

Первые два дня на корабле оба были погружены в культивацию. Стоило Гу Чэньюю сесть медитировать, как он забывал обо всём на свете, уходя в состояние полного отрешения. После того как он поднялся ещё на одну малую ступень, Линлинци наконец не выдержал и начал подстрекать его к действию.

<http://bllate.org/book/19829/1959943>